

Наш гость — известный писатель Виктор Ефимович Ардов, автор многочисленных книг, сатирик и юморист, работающий едва ли не во всех жанрах своего цеха: от сценариев художественных фильмов и теоретических исследований до миниатюр и клоунских реприз. Словом, профессия его — смех.

— И, значит, дело серьезное? — задаем мы гостю первый вопрос.

— И да, и нет. Да — потому что всякий профессионализм в любом деле предполагает и предельную ответственность, и серьезность, и добросовестность. А нет — потому что никакая серьезность не искушает, на мой взгляд, отсутствия чувства юмора. Трудно иметь дело с людьми, лишенными его. Юмор — чувство, охраняющее человека на его жизненном пути и, кроме всего прочего, дающее человеку возможность посмотреть на себя со стороны. Что в наших общих интересах.

— А не кажется ли вам, что мы чаще это чувство нацеливаем на других, нежели на самих себя?

— Вообще-то да — и это естественно. Все, что происходит не с тобой, ощущаешь с большей юмористической очевидностью. Не секрет: охотнее смеешься над другим, чем слышишь, как смеются над тобой. Но выручает нас то, что комическое — это общее достояние. От смеха никто из нас не защищен. И смех в конце концов воспитывает в нас объективность и вкус к справедливой самооценке.

— Но ведь смех смеху рознь. Бывает же, что он ранит, обижает, может быть даже несправедливым.

— В том-то и дело, что чувство юмора должно быть в системе воспитания прежде всего добрых чувств. И вот тут, я думаю, очень многое зависит от нас — людей, сделавших смех, как вы сказали, профессией. Не попадать дурному вкусу, не зубоскалить, не злорадствовать, не делать из мухи слона, быть точными и принципиальными при нанесении критических ударов, отделять главное от неглавного и, самое важное,

помнить, что, обличая зло, сатирик защищает добро, — вот важнейшие заповеди нашей профессии. Не мы их изобрели. Нет автора более наблюдательного, безудержного в своем веселье и остроте выражения, чем народ. Но все симпатии народа всегда на стороне правды.

— А как вы лично находите темы для своих произведений?

— Темы дает жизнь, и притом во множестве. Надо только уметь отбирать воистину существенные вопросы. Од-

более полувека смещите своих читателей и зрителей.

— Спасибо на добром слове. Но что значит «хорошо известно»? Повторить пройденное, воспользоваться проверенным рецептом? Ведь бороды у шуток и анекдотов вырастают быстрее, чем у людей. И дважды их одной и той же бритвой не сбреешь. Так что юморист, как всякий серьезный художник, вынужден предпочитать неизвестное.

— Виктор Ефимович, на днях вам исполняется семьдесят пять лет...

— Понимаю. Отношусь ли я к этой дате серьезно или сохраняю все-таки чувство юмора? Конечно, лучше, когда человеку двадцать пять, а не в три раза больше. Но поскольку это неизбежно, то приходится, как говорится в системе Станиславского, существовать в предполагаемых обстоятельствах. А обстоятельства не такие плохие. Я люблю свое дело — литературу, у меня хорошая семья. И складывается впечатление, что жизнь удалась. Можно, конечно, просить у судьбы большего, но это я уже считаю нахальством.

— Пользуясь возможностью, от имени читателей «Недели» поздравляем вас с семидесятилетием и хотим...

— Дожить до семидесяти пя-

тум пять вещей такого рода. Но, пожалуй, мы начинаем терять чувство юмора, так подробно рассуждая о профессиональной кухне юмориста.

— Тогда, может быть, дадите нам рецепт, как быть всегда веселым?

— Такого рецепта я дать не могу и не хочу. Не думаю, что надо быть всегда веселым. В известной пословице: «Делу — время, потехе — час», считаю, оптимально определены соотношения веселья и жизни. Но полагаю, однако, дело надо тоже делать весело, с удовольствием.

— Значит, веселье тоже бывает разным?

— Разумеется. Веселье ради веселья на долгие сроки — удел людей праздных. И совсем иное — веселая удача, открытость характера в делах ответственных и трудных. Когда находятся люди, умеющие пробудить в других хорошее настроение и поддержать его. Снять шуткой напряжение, смягчить остротой конфликтность ситуации, наконец, улыбнуться так, что и другим захочется улыбнуться в ответ. А как часто не хватает нам элементарного чувства юмора в простейших житейских ситуациях, когда ерундовый и беспредметный спор, скажем, в автобусе или трамвае грозит перерасти в огорчительную и нелепую ссору. А ведь что требовалось от одной из сторон — всего лишь с доброжелательным юмором оценить ситуацию.

— А если каждый считает себя правым?

— А разве в этом случае надо терять чувство юмора? Правота ничуть не исключает его. И, скорее, неправ тот, кто потерял его из-за пустяка. Ибо чувство юмора, кроме всего прочего, это и чувство достоинства. Дополнительный душевный резерв. Освобождение от ложного самолюбия. Неизменная доброжелательность в общении с людьми. Почему мы так ценим смех? Потому что он самый короткий разительный

путь к осуждению того, над чем смеются.

— Всегда ли уместна в человеческом общении юмористическая нота?

— Всегда, но при следующем условии. Если человек, претендующий на нее или позволяющий себе ее, воспитан, тактичен, добр и уважительно относится к собеседнику и окружающим. И, конечно, чувствует момент, когда шутка уместна.

— Вам приходилось встречаться, дружить, сотрудничать с многими знаменитыми людьми. Как они воспринимали шутку, острое слово, пародию, розыгрыш?

— Ну вот такой случай — в пример. За несколько лет до войны у нас гостила Анна Андреевна Ахматова. Она была дружна с моей женой, а я ее знал в ту пору меньше, но, конечно, очень любил ее стихи и испытывал понятный трепет перед ее поэзией и перед ней самой. Как-то мы ушли из дому, а она осталась поработать. Уж не знаю, как это получилось, но, уходя, я рискнул пошутить, сказал: «Словарь рифм» на верхней полке». Анна Андреевна рассмеялась.

Да и трудно представить себе и припомнить талантливого художника, не воспримчивого к шутке. Более того — почти всегда они и становятся инициаторами веселого, непосредственного общения. Превосходным рассказчиком и душой компании был Василий Осипович Топорков. Неизменно обаятелен, ласков, доступен был Иван Михайлович Москвин. Мастером человеческого общения был Алексей Николаевич Толстой. А Михаил Ефимович Кольцов? Прекрасный организатор веселых и вместе с тем интеллектуальных встреч, которые он называл междусобойчниками. Замечательно веселым, неистощимым на выдумку все мы знаем Леонида Осиповича Утесова.

— Есть ли у вас в избранном жанре любимый писатель, художник-карикатурист, клоун, актер-комик кино и театра?

— Конечно, Михаил Михайлович Зощенко. Конечно, Константин Павлович Ротов. Конечно, Карандаш — Михаил Николаевич Румянцев. И Игорь Владимирович Ильинский.

— В кино или в театре?

— И на телевидении — тоже.

— Вы называете замечательных мастеров, начинающих работу в искусстве примерно в одно время с вами. Выходит, ваши взгляды не менялись?

— Вы хотите обвинить меня в пристрастности? Пожалуйста. Не стану отпираться и оправдываться. К тому же вы сами предложили мне назвать любимых, а какая же любовь без верности?

— Виктор Ефимович! В начале нашего разговора мы услышали от вас, что смех воспитывает в нас объективность и вкус к самооценке. Не могли бы вы привести какой-нибудь наглядный пример?

— Наглядный? С удовольствием. Смотрите.

Гостя расспрашивали
Ал. АВДЕЕНКО,
А. НИЛИН.
Автошарж В. Ардова.

Чувство юмора

нако найти тему — даже не полдела. Самое трудное и ответственное — найти решение, которое и соответствовало бы вашей теме, и давало бы возможность создать по-настоящему смешное сочинение. Иной раз это удается, но далеко не всегда. Не всякий раз попадаешь «в яблочко». Народ — великий и нелицеприятный судья. Читателей, слушателей, зрителей обмануть невозможно. Мой покойный друг и редактор Михаил Кольцов говаривал часто: «Не думайте, что читатель глупее вас! Не старайтесь ему выдать пустяки за серьезные дела и мысли». Это положение особенно четко складывается в нашем «легком» — будь он неладен — жанре. Если людям не смешно, заставить их хохотать невозможно. И прежде всего это означает, что вы просчитались. Не аудитория, а вы. Читатель (он же зритель) всегда прав. А в нашем ремесле быть правым, повторю, — даже менее половины дела. От нас всегда еще требуют дополнительного «продукта» — смеха. А где его взять? Как заставить аудиторию смеяться?

— Ну вам-то это хорошо известно. Не зря же вы вот уже

ти? Улыбайтесь и смейтесь чаще.

— Вы работаете во многих жанрах. Но какой-то, вероятно, влечет вас больше?

— Вы правы, за «отчетный период», как выражаются докладчики, много я перепробовал жанров и форм. И теперь — на закате дней — могу вам точно сказать, что больше всего я люблю сочинять небольшие юмористические или сатирические рассказы и сценки.

— Но писать-то их, наверно, не легче оттого, что они небольшие?

— Наоборот — это самый трудоемкий жанр. Позвольте предложить вам задачу: мальчик съедает одну котлету за две минуты; спрашивается: сколько котлет мальчик съест за час?

— Тридцать, нет?

— Сосчитали правильно. Но где вы видели такого мальчика? Так и со мной. Как по-вашему, сколько коротких сценок я могу сочинить за год?

— Боимся ошибиться, как с котлетами...

— И будете правы. Арифметика тут ни при чем. В год получается три-четыре, макси-

